

Опасные
удовольствия

ИРИНА КОМАРОВА

Последний Хит Сезона

Опасные удовольствия

Ирина Комарова

Последний хит сезона

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Комарова И. М.

Последний хит сезона / И. М. Комарова — «Центрполиграф»,
2019 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-08930-4

Рита Рощина – весьма привлекательная девушка – уже не новичок в детективном агентстве «Шиповник». На этот раз ей поручили дело об исчезновении Альбины Сторожевой. Журналистка пропала после того, как раскопала компромат на фирму «Хит сезона». Рита под видом корреспондентки проникает в подозрительную фирму, не догадываясь о том, в какое опасное предприятие она ввязалась и как сильно придется за нее поволноваться Витьке Кириллову, тому самому, который ей так не нравится, что она жить без него не может...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08930-4

© Комарова И. М., 2019
© Центрполиграф, 2019

Ирина Комарова

Последний хит сезона

Серия «Опасные удовольствия»

© Комарова И. М., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

* * *

Это утро в детективном агентстве «Шиповник» выдалось на редкость спокойным. Клиенты в дверь не ломались, и наш мудрый руководитель, Александр Сергеевич Баринов, закрылся у себя в кабинете с новым сборником sudoku. Мы начальству не докучали: у каждого нашлось чем заняться.

Я неторопливо дописывала отчет по делу, которое мы закончили только вчера. Ничего особенного, обычная «родственная» кража: внучка позаимствовала у любимой бабушки кое-что из фамильных украшений и, довольно неловко, попыталась свалить на домработницу.

Домработницу, разумеется, тут же уволили и пригрозили тюрьмой, если не вернет украденное. Женщина, которая была отнюдь не глупа и имела вполне обоснованные подозрения насчет того, куда утекло золотишко, обратилась к нам... В общем, это даже работой назвать нельзя: нужно было всего лишь выяснить все подробности у заинтересованных лиц, свести их в единую таблицу и указать на явные нестыковки. А после этого, в присутствии все тех же заинтересованных лиц, задать несколько вопросов внучке.

Благородное негодование, которым сначала пылала барышня, сменилось нервными и агрессивными выпадами, а закончилось все бурными рыданиями и попытками объяснить свои поступки. Объяснения, на мой взгляд, были довольно нелепыми: дескать, бабушка в завещании эти украшения ей, внучке, и предназначила, так что она, можно сказать, брала свое... или почти свое. Не знаю, не знаю. Если уж девице так не терпелось пофорсить в бабушкиных колечках, могла бы и попросить. А тащить их из шкатулки потихоньку – это, как ни смотри, кража, деяние, предусмотренное Уголовным кодексом. И уж совсем нет оправданий попытке подставить невинного человека.

Домработнице все равно пришлось уйти – хозяевам, после всех скандальных обвинений, неловко было оставлять женщину у себя и то, что они извинились, а она эти извинения приняла, дела не меняло. Но, по крайней мере, домработница ушла с высоко поднятой головой, с разумной компенсацией «морального ущерба» и с рекомендациями, в которых были использованы исключительно превосходные степени.

В общем, дело, как я уже сказала, рядовое. Из тех, по которым полный отчет написать – больше времени займет. Тем более если писать не торопясь и отвлекаться, как я сейчас, на посторонние разговоры.

Точнее, посторонние разговоры вела Ниночка, наша секретарь-референт. Обычно она загружена работой: кроме исполнения чисто секретарских обязанностей, на ней поиск всей необходимой информации по делам, которые мы ведем, база данных, не уступающая по своей полноте базе областного управления, а еще бухгалтерия, а еще отдел кадров... Но сегодня Ниночка, распечатав ежедневную сводку криминальных новостей, решила провести немного времени в кабинете оперативных работников, то есть в нашем с Гошей. Она устроилась на подоконнике и, болтая ногами, делилась последними новостями.

Я слушала краем уха и в основном помалкивала, а беседу с Ниной поддерживал Гошка – старший оперативник Георгий Александрович Брынь, мой напарник и наставник. Впрочем, основное его внимание было сосредоточено на каталоге Пекинской международной автомобильной выставки.

– Он пока не клиент, конечно, – рассказывала Ниночка, – а возможно, клиентом и не станет. Станный тип. Видала я неуверенных мужиков, но этот просто бьет все рекорды! Я даже шефу про него докладывать не стала: фамилию не называет, что ему нужно – не говорит и вообще никак не может решить, нужны мы ему или нет. Вчера позвонил, полчаса мычал, мялся, жался но все-таки решился. Пообещал приехать и поведать нам о своих печалях. Договорились на сегодня, на утро. Нет, перезвонил, отказался. То ли боится чего, то ли денег жалеет.

– Денег жалеет? – Гошка потер пальцем фотографию вишневого джипа, убирая с глянцевой бумаги еле заметное пятнышко. – Это нехорошо.

– Ты его еще не видел, а уже знаешь, что он – очень неприятный человек? – пошутила я.

Гоша шутку не принял.

– Раз он пытается сэкономить на решении своих проблем, то, прежде всего, он глупый человек. А иметь дело с дураками – это всегда неприятно.

– С дураками неприятно, а с умными сложно. – Нина засмеялась. Ее хорошее настроение даже бестолковый «не клиент» испортить не смог. – Нет в жизни счастья! Кстати, Витька Кириллов звонил. Он в городе, обещал зайти.

Я слепо уставилась на монитор, продолжая машинально стучать по клавишам. Кириллов обещал зайти. Он в городе... значит, что, был и не в городе? Уезжал куда-то? Сколько мы не виделись? Месяца четыре? Интересно, он хоть раз за это время обо мне вспомнил? Впрочем, нет, совершенно неинтересно. И сам Кириллов мне не интересен, он мне никогда не нравился, и я про него точно не вспоминала, и не думала, и сейчас думать не собираюсь...

– Кириллов, это «кстати, о дураках» или «кстати, об умных»? – коротко хохотнул Гоша.

– Не о дураках, конечно. – Нина на секунду задумалась и даже болтать ногами перестала. – Но если по справедливости, то и не об умных. Наверное, «кстати, о счастье».

– Где Витька и где счастье? – Напарник перевернул страницу и уставился на шикарный кабриолет нелепого розового цвета. – Кириллов и счастье – две вещи несовместные.

– Об этом я не подумала. Но ты прав, – ноги Ниночки снова пришли в движение, – Витька для счастья не создан. Я имею в виду простое счастье, житейское.

Делать вид, будто я заинтересована отчетом больше, чем разговором про Витю Кириллова, было глупо. Я откинулась на спинку стула и спросила, как смогла нейтрально:

– А что ты считаешь простым счастьем?

– Для мужика? Элементарный набор. Работа, хорошо оплачиваемая и не нервная, девушка симпатичная, с перспективами дальнейшей совместной жизни, отпуск в Египте, а по выходным – рыбалка с приятелями или преферанс.

– Счастье младшего банковского клерка, – подсказал Гоша.

– Ага, точно. Можешь себе представить Витьку младшим банковским клерком?
– И старшим не могу. Он на такой работе не выдержит. Через неделю, максимум через две или сам взорвется, или весь банк на уши поставит.

– Точно. А что касается отпуска в Египте...

– В Египте он был, ему там не понравилось, – многозначительно заметил Гоша.

– Я же не конкретно о Египте, – отмахнулась Нина. – Египет – это непринципиально. Есть еще Турция...

– И в Турции он был. Помнишь, лет пять назад? Там ему еще больше не понравилось.

– Помню. Но назвать ту его поездку отпуском тоже нельзя. Одним словом, Кириллов не любитель отдыха на заграничных курортах. А насчет рыбалки и преферанса я не знаю. Ты не в курсе, что он делает в свободное время?

– Насколько я знаю, спит.

– А когда выспится?

– Когда выспится, идет на службу.

– Дивно! Вот оно все Витькино счастье и есть: поспал и на службу. Обзавидоваться можно.

Я тоже хотела что-нибудь сказать, но никаких умных мыслей по поводу предполагаемого счастья Витьки Кириллова в голову не приходило. А Ниночка продолжала рассуждать:

– Впрочем, для мужиков определенного типа такое отношение к жизни очень характерно.

Взять хоть бы тебя...

– А что я? – Кабриолет на Гошку впечатления не произвел, и напарник снова вернулся к странице с джипом. – Я, в отличие от Витьки, человек высокоинтеллектуальный, я даже газету каждую неделю покупаю.

– «Московский комсомолец»?

– «Телесемь». Матушка моя считает, что там самая удобная телевизионная программа.

И сплетни всякие в ассортименте.

– Так это ты для мамы покупаешь, а не для себя!

– Ну и что? Факт покупки имеет место, а все остальные рассуждения – это уже лирика!

И вообще, у меня, кроме работы и сна, множество других интересов, самых разнообразных. Девушки, например...

– Ха! Можно подумать, у Витьки с девушками проблемы.

– Я же не про этих девушек говорю! Я про любовь. Ты слышала когда-нибудь про такое большое и светлое чувство?

– Ах, ты об этом. Это верно, от любви Витька шарахается. Да что любовь, чуть только интересом каким серьезным запахнет, он сразу фьють – и испаряется. Помнишь, была такая беленькая, из фотолаборатории...

В приемной зазвонил телефон. Нина тут же спрыгнула с подоконника и выбежала. Надо же, как не вовремя! И на самом интересном месте! Но Кириллов-то, каков змей! В мою сторону он, значит, даже смотреть не хочет, лишний раз к нам в офис не зайдет, чтобы повидаться, а у самого какая-то беленькая девица, из фотолаборатории! Ладно, Витька, подожди, я тебе все припомню... Хотя что это я? Нина же ясно сказала, что с этой беленькой и не было ничего, а если что и было, то давным-давно.

И вообще, Витькина личная жизнь меня не касается и совершенно не интересует! Я занята, мне нужно работать, отчет нужно писать... а как его писать, если мне все настроение сбили! Сначала Ниночка своими разговорами, потом этот звонок... и теперь я никогда не узнаю, что там у Кириллова было с этой белобрысой!

– Ребята, у нас клиент! – Сияющая Ниночка вернулась к нам. – Сейчас явится.

– Тот, про которого ты говорила? – скривился Гоша. – Глупый?

– Другой. Этот тебе понравится. У него суперсрочное, суперважное дело, и он сразу предупредил, что стоимость наших услуг его не волнует! Господин Солодцев – серьезный бизнесмен, поэтому отвлекаться на пустяки он не считает нужным. Его интересует исключительно результат.

– Милейший человек, – согласился Гоша. – А он действительно серьезный бизнесмен?

– Подробно я еще не смотрела, но на Солодцева Алексея Игоревича зарегистрирована фирма «Жикле».

– Автомобильными деталями торгует?

– Нет, это что-то связанное с искусством. С живописью. Я заглянула в базу налоговой и скажу тебе, Гошка, что суммы, которые отчисляет эта самая «Жикле», выглядят вполне убедительно.

– Милейший человек! – радостно повторил напарник. – Правда, Ритка?

– Угу, – буркнула я. А что я могла сказать? Что этот господин Солодцев идиот? Не мог на десять минут позже позвонить!

– Пойду шефу доложу. – Нина повернулась к двери. – Вы со мной?

– Конечно. – Гошка вскочил. – Про такого клиента не грех и еще раз послушать. Рита, а ты?

– Я пока отчетом позанимаюсь. Надоело уже, хочется побыстрее закончить.

Они вышли, а я снова уставилась на экран компьютера. Мама моя, что я тут понаписала? Что за бред? Это мы быстренько сотрем, пока никто не видел, и это тоже... а здесь все хорошо, это пусть остается. Выбрасываем из головы Витьку и всех его пассий, бывших и будущих, и сосредотачиваемся на отчете.

Мне действительно удалось отвлечься от всех посторонних мыслей, и я бодро застучала по клавишам. В приемной послышались голоса, но я настолько увлеклась, что не обратила на них внимания. И даже когда в кабинет заглянула Нина, я не сразу поняла, что ей нужно.

– Рита, к Сан Сергеичу, быстро! Гоша уже там.

– А что случилось?

– Клиент пришел.

– Милейший человек? – уточнила я. – Солодцев?

– Он самый. И желает, чтобы мы немедленно занялись его проблемами.

– Желания клиентов надо выполнять. – Я остановилась на полуслове и заторопилась к шефу.

Алексей Игоревич Солодцев вольготно расположился в «клиентском» кресле. Крупный мужчина лет сорока, с громким голосом и широкими, размашистыми жестами, он больше походил на штангиста-тяжеловеса, чем на бизнесмена. На очень раздраженного штангиста-тяжеловеса.

– Это все Надька, жена моя бывшая! Достала, блин, просто сил никаких нет! Ограбить меня хочет, зараза!

– Простите, просто для справки, – вежливо перебил его шеф. – Давно вы с супругой развелись?

– Ну, это я так говорю, бывшая, – уточнил Солодцев. – Официально мы еще не развелись, почти год эта бодяга тянется. С Надькой же невозможно договориться, она как бульдозер прет! Хотя нет, бульдозер от себя гребет, а Надька, она только к себе! Прикинь, я ее, семь лет назад, нищую взял, в одном платице! Семейка у нее, фу-ты ну-ты, благородные: денег ни шиша, а фанаберии – как у графьев каких! Нет, конечно, там связи были, с нужными людьми, и бизнес мне родственнички поднять помогли, это я не спорю. У некоторых людей интересно мозги устроены: связи есть, а пользоваться ими не умеют! А я сразу – кредиты, заказы выгодные, пару тендеров с их помощью удалось выиграть... только я тоже в долгу не оставался: с кредита – тестю машину, с заказа – теще браслетик. У тещи, пока Надька за меня не вышла, всех укра-

шений – нитка жемчуга была, тесть на серебряную свадьбу подарил. А сейчас у нее шкатулка не закрывается! Квартиру им помог поменять. Не поверите, они в Комсомольском поселке жили, до центра целый час на автобусе пилить! А сейчас у них, прикинь, трехкомнатная, на набережной, в сталинском доме – там одни потолки три метра! Евроремонт сделали, тоже на мои деньги. Я ведь не жлоб какой, я к родне и с пониманием, и с уважением, это у Надьки совести нет совсем! Адвоката какого-то нашла, чокнутого, он законы так выворачивает, что я ей половину всего нажитого должен, да еще проценты за помощь, да алименты! Какие проценты, какая помощь? Это я работал, я пахал, как вол, а Надька только у массажисток вылеживалась да с подружками по телефону болтала! Вы знаете, сколько я за ее сотовый платил? Точнее, за два, мне пришлось второй телефон ей купить, чтобы связь иметь. До нее же просто невозможно было дозвониться, прикинь, она непрерывно болтает, просто непрерывно! Я второй телефон купил и запретил этот номер подружкам давать. А теперь ей алименты! Фигу с маслом она у меня получит, а не алименты! Привыкла бездельничать, а вот пусть пойдет поработает! Тридцать лет – не тот возраст, чтобы пенсия получать, разве не так?

– Возраст вполне трудоспособный, – подтвердил Баринов. – Но по Семейному кодексу при разводе супруга имеет право на половину совместно нажитого имущества. Семь лет – срок достаточно большой, а учитывая интересы детей...

– Какие дети! Нет у нас детей, да и не собирался я пока. Чего нищету плодить? Сначала на ноги встать, бизнес укрепить, ну и для жизни там всякое... В смысле, дом поставить хороший, денег подкопить, чтобы потом ребенку в пустяках не отказывать. А то приятель у меня, обещал пацану, что на день рождения свозит его во Францию, в Диснейленд, а у самого денег не хватило. Разве это дело? И потом, деньги не только на подарки нужны: няньки-гувернантки всякие, тоже недешево стоят, да и про учебу тоже заранее думать надо. Можно, конечно, во Францию ребенка отправить, Сорбонна дешевле, но Англия как-то престижнее, прикинь? В общем, не торопился я с ребенком, а оказалось, что это только к лучшему. У меня, знаете, интуиция хорошая, я очень редко неверные решения принимаю.

– А как к такому решению ваша супруга отнеслась?

– Надька-то? Да она только рада была, ей дети вовсе не нужны. Сейчас, конечно, жалеет. Был бы ребенок, ободрала бы она меня, без всяких адвокатов, как липку. А так – фигушки! Одну квартиру и машину я ей оставил, а на алименты пусть даже не рассчитывает.

– Ваше право, – вежливо наклонил голову шеф. – Но я не совсем понимаю, что вы, собственно, от нас хотите?

– Разве я не объяснил? С Надькой же надо что-то делать. Совсем она меня достала – житья не дает! Стекло в машине разбила, а вы прикиньте, сколько сейчас лобовуха для «лексуса» стоит? В квартиру забралась. Хорошо, что я много наличных дома не держу, только так, чтобы под рукой были, – счета там оплатить, на прочие мелкие расходы. Но все, что нашла, Надька подчистую выгребла. И золотишком не побрезговала: пара цепочек у меня там лежала, сейчас-то я их не ношу уже, с тех пор остались, когда это модно было, часы швейцарские, настоящие, еще ерунду всякую, вроде запонок.

– Квартирная кража? – откровенно удивился Гошка. – Вы уверены, что это именно ваша жена сделала?

– А кто же еще? Больше некому!

– Но как она в квартиру смогла попасть?

– Так я сам дурак, не сообразил сразу замки сменить. Сейчас-то, конечно, у нее ничего не выйдет. В общем, я хотел Надьку привлечь за воровство, так менты у меня заявление не взяли. Прикинь, говорят, что, пока мы не разведены, она имеет право в квартиру входить и вещами пользоваться! Или я должен начинать всякую мутотень насчет раздела имущества, описи составлять, у нотариуса заверять... Ну их на фиг, мне проще замки сменить. Ладно, говорю, тогда привлекайте ее за хулиганство! Лобовуху-то в «лексусе» она мне разбила? Вот

пусть ответит! Опять не хотят! Говорят, надо было с поличным ее ловить, когда она машину корежила. А так доказательств нет. Я им говорю: какие вам нужны доказательства? Вы только на рожу ее довольную поглядите, все сразу ясно будет! Нет, подавай им свидетелей! Где я их возьму? Надька – она дура, конечно, но не до такой же степени, чтобы при свидетелях мне тачку уродовать. Нет, вы скажите, что у нас за законы такие? Баба внаглую занимается воровством и бандитизмом, а управы на нее никакой нет!

– Законодательство наше далеко от совершенства, – согласился Александр Сергеевич. – Но все-таки, чего вы от нас ожидаете? Чем мы, в вашей ситуации, можем помочь?

– Разве непонятно?! Улики против Надьки добыть, поймать ее с поличным! Если ментам так нужны свидетели, значит, вы ими и будете! Прикинь, я эту стерву знаю, она не успокоится, она еще какую-нибудь подлость надумает. А как возьмется за дело, тут вы ее и прихватите. Если мы Надьку посадить сумеем, она после развода вообще ничего не получит! Ну что, беретесь за дело? Вы не сомневайтесь, долго ждать не придется, Надька тихо сидеть не будет! А если у нас все получится, то я жадничать не стану – и по счетчику заплачу, сколько там натикает, и бонусы, и премиальные! Мне лишь бы от Надьки избавиться, а расходы меня не пугают!

Александр Сергеевич с Гошей переглянулись и дружно уставились на меня. Почему, интересно, они оба решили, что ответить клиенту должна именно я? Конечно, в пединституте нам читали курс психологии, да и потом, уже в школе, практика была обширнейшая – среди родителей такие оригинальные типы попадают... но сейчас-то ситуация другая. Для того чтобы сказать Солодцеву: «Вам не нужны наши услуги. Найдите себе хорошего адвоката и разведитесь с женой цивилизованно!» – специальной подготовки не надо.

Я выразительно кашлянула, но старшие товарищи продолжали гипнотизировать меня совершенно одинаковыми взглядами. Понятно. Они хотят, чтобы я не просто отказала клиенту, коротко и четко, а подробно и аргументированно объяснила ему всю бессмысленность и бесперспективность подобного поведения. Значит, деваться некуда, сейчас мое выступление. Я снова кашлянула и обернулась к Алексею Игоревичу:

– Боюсь, что вы выбрали неверную стратегию. Мы, конечно, можем постараться проконтролировать действия вашей жены, и свидетелями быть, и в суде, при необходимости, выступить, но поверьте, что бы она ни придумала, вряд ли это потянет на большой срок. Даже если дело дойдет до суда, то наказание, вероятно, будет условным. Она ведь у вас уголовного прошлого не имеет, ранее к суду не привлекалась, так ведь?

– Ну, так, – неохотно согласился Солодцев. – А чего ей раньше хулиганить было? Ее все устраивало.

– Тем не менее. Адвокаты – а я думаю, она сумеет найти толковых адвокатов – распишут стрессовую ситуацию, в которой бедная женщина оказалась...

– Бедная она была раньше, пока я, дурак, на ней не женился! А сейчас – вполне себе обеспеченная мадам!

– Я не о материальной стороне говорю. Она ведь не хочет с вами разводиться, это ваша инициатива? Значит, автоматически: богатый бизнесмен бросает бедную женщину, которая беззаветно посвятила ему... сколько? Семь лет?

– Семь. Только не посвятила, она эти семь лет у меня из жизни вырвала!

– Это с вашей точки зрения. А судья вполне может принять сторону брошенной женщины. Учет законопослушное прошлое, состояние аффекта, тяжелую моральную травму... Поверьте, на серьезное наказание, тем более связанное с лишением свободы, вам не стоит рассчитывать.

Солодцев посмотрел на Гошу, потом на Барина, дождался от каждого подтверждающего кивка, потом поскреб в затылке и решительно заявил:

– Мало ли что там адвокат наболтает, кто их слушает, адвокатов? А вот если с судьей договориться... У вас подходящий судья есть? Такой, понимающий?

– Нет, – жестко ответил Александр Сергеевич и бросил на меня сердитый взгляд.

– Нет так нет. – Судя по всему, клиент не поверил шефу, но решил не настаивать. – Я просто к тому, что если судью грамотно простимулировать, то никаких условных не будет. Загремит Надька в колонию как миленькая.

– Даже если вы сумеете этого добиться, – я заговорила чуть строже, – даже если ее осудят, срок будет небольшим – полгода, год, не больше.

– Не, если хорошо постараться, то до двух запросто можно натянуть, – не согласился Солодцев.

– Хорошо, пусть будет два. А что дальше? Вернется ваша жена из колонии и возьмется за старое, только еще активнее.

– Вы так думаете? – Он снова задумчиво поскреб затылок.

– Это я вам как женщина говорю, – заверила я. – Вы потом всю жизнь будете оглядываться и ждать от нее очередной пакости.

– Не, так я тоже не хочу. – Солодцев откинулся на спинку кресла, несколько секунд, прищурившись, разглядывал потолок, потом спросил в пространство: – А может, пристрелить ее? Без затей, нанять киллера и... Прикинь, простое, но верное решение?

Признаюсь честно, я не нашлась что ответить. Он что, серьезно? Может, еще и адресок киллера рассчитывает у нас получить?

На помощь, как обычно, пришел напарник:

– Слишком кардинально. – Гоша заговорил деловито, словно убийство жены Солодцева было не тяжким преступлением, а всего лишь технической проблемой. – Такие, как вы выражаетесь, простые, но верные решения, как правило, быстро обрастают массой сложностей. Я вам, как профессионал, искренне не советую.

– Вообще-то, это была шутка. – Солодцев оскалил зубы в улыбке, от которой меня передернуло. – Ладно, сажать не надо, убивать не надо, это я понял. А что вы, как профессионалы, советуете?

– Мы могли бы побеседовать с вашей супругой, – предложил Баринев.

– В смысле, припугнуть? – уточнил клиент.

– Можно и припугнуть. Но лучше объяснить, что если она проявит некоторую гибкость и готовность к компромиссу, то ничего не потеряет, а выгоды для нее могут быть вполне ощутимыми.

– Думаете, мне стоит с Надькой поторговаться?

– Почему бы и нет? Вы хотите, чтобы она согласилась на ваши условия развода и перестала вам докучать. Поверьте, гораздо проще добиться этого, предложив вашей супруге разумные отступные.

– Ну... – Солодцев ненадолго задумался. – Лучше бы, конечно, сделать так, чтобы она ничего не получила. У меня деньги не лишние, а она все равно все за полгода спустит. По косметичкам разнесет да по телефону протреплется.

– Но если подумать о будущем?

– В будущем, конечно, – неохотно согласился он. – В будущем лишнего беспокойства не хочется. А кто беседовать будет? Вы?

– Нет. На такого рода беседах у нас специализируется Рита.

– Она? – Солодцев повернулся и смерил меня оценивающим взглядом. Я улыбнулась – точнее, слегка раздвинула губы и показала зубы. Очевидно, мой оскал получился не хуже того, что продемонстрировал сам Солодцев пару минут назад, потому что он дружелюбно хлопнул меня по плечу и спросил: – А ты можешь это гарантировать? Что Надька сейчас оставит меня в покое и, когда у нее деньги закончатся, не явится мне под окнами кошачьи концерты устраивать? Гарантируешь?

– Разумеется, нет, – не задумываясь, ответила я. – Полную гарантию дает только страховой полис. А я могу гарантировать, что приложу все усилия и что вероятность желательного для вас результата будет максимальной. Мне кажется, что этого достаточно.

Солодцев неожиданно громко расхохотался и снова похлопал меня по плечу.

– Ясное дело, достаточно! Знаете, – он повернулся к Баринову и подмигнул ему, – если бы она сейчас начала мне втирать, что все будет тип-топ, я бы сразу встал и ушел. Не терплю, когда меня за лоха держат. Но раз вы со мной по-честному, то и я с вами тоже, можете не сомневаться.

– Очень приятно, – наклонил голову шеф.

А я спросила:

– Когда вашу жену можно дома застать? Может, сегодня вечером к ней заглянуть?

– Только не вечером, по вечерам Надька дома не сидит. И днем тоже ее фиг поймаешь. Дома она утром. Но имей в виду, утро у нее не раньше двенадцати начинается, она примерно в это время просыпается. Потом, пока кофе в постель, пока утренний макияж, пока в тряпках пороется, выберет, что надеть, – раньше трех часов Надька из дому не выбирается. Светская львица, блин!

Я посмотрела на часы.

– То есть имеет смысл съездить к ней прямо сейчас, не откладывая?

– Это было бы здорово! Только вот еще что... – Алексей Игоревич не то чтобы смутился, но заговорил менее уверенно: – У меня на самом деле не только с женой проблемы. Есть еще пара телок... в смысле, я им ничего такого не обещал, они сами надумали. Прикинь, захомутать меня хотят. Вроде если я с женой развожусь, то на них жениться должен.

– Не понял. – По лицу шефа было видно, что он действительно не понимает. – Как это «на них жениться»? На двоих одновременно, что ли?

– Нет, конечно, не одновременно. По очереди. В смысле, не вместе... Каждая хочет, чтобы я на ней женился, неужели непонятно? Отдельно хочет, для себя!

– А ты не хочешь, – проявил необыкновенную проницательность Гоша.

– Ясно, не хочу. С чего вдруг? То есть они, конечно, обе бабенки ничего, подходящие, в смысле, ножки там и все такое. Но не жениться же из-за этого? Хватит уже глупостями заниматься. Слушай, братан, – он неожиданно резко повернулся к Гошке, – а может, ты их отвле-чешь, а? Чтобы они хоть ненадолго от меня отстали, дух перевести. Смотришься ты круто. Приврешь немного, ну, что холостой, что денежка имеется...

– Нет, – не дослушав, отказался Гоша. – Со своими дамами ты, братан, сам разбирайся. Я в такие дела принципиально не ввязываюсь.

– Тогда, может, ты в офис ко мне заглянешь, поговоришь с ними? – Теперь Солодцев умоляюще смотрел на меня. – Объяснишь им, что не прокатит, не буду я больше жениться, завязал.

– Я? – У меня желания влезать в разборки клиента с его любовницами было не больше, чем у Гошки. – А почему бы вам самому не объяснить им? Скажите четко и откровенно: не хочу!

– Да говорил уже, сто раз говорил! Только все без толку. Светка про любовь какую-то ахинею несет, а Наташка, та вообще... не слушают, одним словом. Или не понимают. Бабы, что с них возьмешь? Если вбили себе в голову какую дурь, гвоздем не выковыряешь!

– А почему с ними в вашем офисе нужно разговаривать? Вы что, вместе работаете?

– В том-то и дело! То есть не вместе, а они у меня работают, в офисе. Светка бухгалтер, а Наташка, наоборот, программист.

– Но если это ваши служащие, вы можете их просто уволить.

– Да я бы уже сто раз их уволил! Только сейчас не прежние времена. Я в девяносто пятом с первой женой разводился, так секретарша губенки раскатала. Прикинь, она моргнуть

не успела, вылетела как пробка! Я с тех пор вообще без секретарши, мне так даже больше нравится, спокойнее. Но сейчас не получится, сейчас у нас законность во все стороны. Мало того что мне потом их восстанавливать придется, так я еще и компенсации моральные платить замучаюсь. Нет, вот ты мне скажи, – он ткнул Гошку в грудь указательным пальцем, – что это за законы, если жена меня грабит, как хочет, а своих же любовниц я даже уволить не могу? Кто эти законы писал? Вроде в парламенте у нас одни мужики, откуда же такие законы, что все в пользу баб?

Судя по физиономии напарника, ему очень хотелось спросить, нет ли у клиента желания пристрелить и надоедливых любовниц, но Гоша сдержался. Вместо него ответил дипломатичный Баринов:

– Это сложный вопрос.

– То-то и оно, – тоскливо подтвердил Солодцев, – сложный. Одна говорит: повешусь и записку оставлю, что из-за тебя. А другая, наоборот, в прокуратуру грозит написать, за сексуальное домогательство и изнасилование на рабочем месте.

– А вот шантаж и угрозы – это нехорошо, – оживился Александр Сергеевич. – Это мы можем прекратить.

– Точно? – Солодцев даже со стула привстал и замер в неудобной позе, стоя на полусогнутых ногах и подавшись вперед. – Как?

Александр Сергеевич, прежде чем ответить ему, посмотрел на меня:

– Ты не возражаешь?

Я молча пожала плечами. Возражений у меня не было, желания – тоже. Но если шеф считает, что я должна взяться за эту работу...

– Не возражает, не возражает. – У Гошки, наоборот, энтузиазма вполне хватило бы на двоих. – Ей это будет даже приятно.

– Ничего сложного. – Баринов наконец поворачивается к клиенту. – Рита завтра утром заедет к вам в офис, поговорит с вашими потенциальными невестами и постарается убедить их оставить вас в покое.

– А... – Некоторое время Алексей Игоревич внимательно разглядывал меня, потом осторожно спросил: – А они послушаются?

– Я думаю, послушаются. – Баринов позволил себе легкую улыбку.

– Ну, если так... – Солодцев снова задумался, потом медленно, с трудом подбирая слова, предупредил: – Только они ведь такие... Наташка и в волосы вцепиться может. Светка, та тихая, а вот Наташка... это ничего?

– Ничего, – проворчала я. – Меня они не тронут.

И этого клиента Ниночка рекомендовала нам как милейшего человека! Мне предстоят разборки с женой, разборки с любовницами, да еще, возможно, какая-нибудь из особо нервных дамочек попытается вцепиться мне в волосы – дивная перспектива, правда? Впрочем, в этой ситуации имеется и светлая сторона.

– Гоша, я срочно собираюсь и еду воспитывать жену Солодцева, – с деланным сожалением сообщила я напарнику, как только клиент удалился. – Так что отчет придется тебе дописывать.

– Черт! – мгновенно скис Гошка. – Рит-ка, ну что за свинство? Ты столько возилась, два отчета можно было закончить! Четыре!.. Много там еще осталось?

– Совсем чуть-чуть, – с легким сердцем соврала я. – Основную часть я уже набросала, осталась концовка. Потом скомпоновать все и отлакировать.

– «Отлакировать», – передразнил он. – У тебя целое утро было, могла не только закончить и отлакировать, но и цветочками разрисовать, под хохлому! Этот Солодцев совершенно прав, с вами, с бабами...

– Гоша! – пропели мы с Ниночкой в унисон. Это получилось вполне нежно, мы вовсе не угрожали. Так, предупредили.

– Хорошо: с вами, с женщинами, – слегка сбавил обороты напарник, – дело иметь невозможно. Кстати, Ритка, ты на СТО заезжала?

– На СТО? – Я остановилась на пороге.

– Вот! – обрадовался Гошка. – Вот именно об этом я и говорю! Кто уже неделю на сцепление жалуется?

– Я жалуясь. – Теперь настроение испортилось у меня. – А тебе лишь бы какую гадость сказать... мне машина каждый день нужна, а на ремонт ее только поставь – неделей не обойдется.

– Ага, а если сцепление в самый неподходящий момент рассыплется, это лучше будет?

– Можно подумать, для этого подходящие моменты бывают, – проворчала я.

– Не бывают, – согласился Гошка. – Поэтому, имей в виду, у тебя это тоже случится в самый неподходящий момент! И тогда не звони мне, я тебя на тросе не поташу, не надейся. Я буду сидеть здесь и отчет дописывать! А ты вызывай эвакуатор.

– Рощина, хватит болтать, – выглянул из кабинета шеф. – Я тебя уже с докладом по Солодцевой жду, а ты все еще здесь!

Гошка, конечно, прав, сцепление у меня барахлит уже вторую неделю, и, если я не хочу неприятностей, нужно срочно гнать машину в ремонт. Может, прямо сейчас? Нет, сначала съезжу к жене Солодцева, а уже оттуда на СТО. Или, после разговора с Солодцевой, вернуться в офис, а уже потом, вечером, по дороге домой сдать ремонтникам? Нет, хватит тянуть, пока сцепление окончательно не рассыпалось, нужно на СТО! То есть не сейчас, конечно, а сразу после визита к Надежде Солодцевой. Покатаюсь недельку на общественном транспорте – неприятно, но ничего страшного. Обходилась же я без машины сколько лет! А если что срочное случится, Гошка подбросит, никаких проблем! Напарник мой на самом деле добрый и заботливый, это он просто сейчас из-за отчета немного сердится.

Я села за руль, поерзала на сиденье, устраиваясь поудобнее, включила зажигание и плавно нажала на педаль. Мотор чихнул...

– Ну, Гошка, – пробормотала я, – ну, типун тебе на язык! Надо же, накаркал! Правильно он сказал, еще на прошлой неделе надо было на ремонт ставить... если заведусь... если сейчас с места сдвинусь, то прямо сразу...

Машина плавно тронулась, и я облегченно перевела дыхание.

– Теперь на СТО!

Я осторожно двинулась по улице в сторону станции техобслуживания. А ведь квартира Солодцевой как раз по дороге, может, все-таки заскочить сначала к ней? А что, сделаю маленький крюк, поговорю с этой хулиганкой, напушу на нее страх божий, поманю сладкой морковкой и дальше, не задерживаясь, отправлюсь чинить сцепление. По-моему, очень удачный план!

Квартира, которую Солодцев оставил жене, мне понравилась: просторная, светлая и хорошо обставленная. А вот бывшая супруга нашего клиента производила гораздо менее приятное впечатление. Нет, внешне все было в порядке: Надежда Солодцева имела симпатичное личико, неплохую фигурку и роскошные волосы, выкрашенные в золотистый, с ярким рыжим оттенком цвет. Только ростом мадам не вышла – метр пятьдесят, не больше. Рядом с мужем она смотрелась, наверное, как Моська рядом со Слоном. И характер эта Моська имела соответствующий.

Встретила она меня, не скрывая неудовольствия, хотя в гостиную пригласила и даже предложила присесть.

– Не понимаю, почему Лешка решил на меня сыщиков натравить. Чего он хочет?

– Прежде всего, насколько мне известно, он хочет с вами развестись, – вежливо ответила я.

– Пусть разводится, разве я возражаю? То есть сначала, конечно, я была против: сами подумайте, мы ведь семь лет, как голубки, прожили! Редкая пара за такой срок не поссорится ни разу, а мы – душа в душу!

– И вы ни разу не поссорились? – Я не считала нужным скрывать недоверие.

– Никогда! У нас для ссор причин не было. Лешка в мои дела не лез, я в его – тем более. Так, иногда, покричим друг на друга, разобьем пару тарелок, просто для развлечения. Милые бранятся, только тешатся – слышали? Поэтому, конечно, когда Лешка о разводе заговорил, я в шоке была. А потом подумала: какой смысл мужика держать? – Она скромно сложила руки на коленях и потупила глазки. – Если ему так лучше будет... я не собираюсь Лешке жизнь портить.

Прекрасно. Если супруга нашего клиента уже смирилась с неизбежностью развода, то моя задача упрощается.

– Я же понимаю, у него сейчас кризис среднего возраста и все такое, – продолжила Надежда. – Раз ему так припекает, пусть будет развод. Но только тогда по-честному: я его отпускаю, а он меня обеспечивает. А как же? Я столько лет ему домашний уют создавала, своей карьерой пожертвовала!

– Вы до замужества работали? Где?

– Нет, я не работала, не успела. Мы с Лешкой познакомились, когда я в политехе училась, на автодорожном факультете. Туда поступить проще всего было, зато учиться потом так тяжело – просто ужас! Я два раза академ брала, еле дотянула до конца. Да и то благодаря Лешке, я на последнем курсе за него вышла. Но работать он мне, конечно, не разрешил. Но это ладно, дороги строить я и сама не больно рвалась. А вот меня один режиссер звал в сериале сниматься, в главной роли! Так Лешка просто на дыбки встал! Мы с ним тогда так скандалили – за два дня три сервиса расколошматили, до последнего блюдечка! И все равно он мне не разрешил, ну разве не гад? Я бы сейчас, может, знаменитая актриса была, может, сама его послала куда подальше! Да что теперь жалеть? Тем более что сериал этот так и не сняли, режиссер спонсоров не нашел. Но Лешка все равно мне должен, и по закону, и по совести! Я ведь его все эти годы так любила! И он меня тоже. Я же говорю, мы с ним – как голубки!

– Высокие отношения, – оценила я. – Именно поэтому вы вынесли ценные вещи из квартиры мужа и разбили стекло в его машине?

– А кто сказал, что это была я? – быстро возразила Надежда. При этом ее миловидное личико просияло настолько довольной, настолько злорадной улыбкой, что я согласилась с нашим клиентом: такая улыбка вполне могла считаться уликой. – Нечего ночью машину бросать где попало. Знаете, сколько шпаны сейчас по улицам бродит? Увидели хорошую машину – как не бросить камушек?

– В квартиру тоже шпана забралась?

– Понятия не имею. Я в этой квартире уже сто лет не была и, кого Лешка туда водит, не знаю. Осторожнее надо быть в знакомствах, я так считаю. Лешка любит по ночным клубам потусоваться и девочками, что там кавалеров поджидают, не брезгует. А среди них разные барышни случаются. Вы наверняка не одну такую историю знаете.

– Историй я много знаю. Но Алексей Игоревич уверен, что и квартира, и стекло в машине – ваших рук дело.

– У него просто мания преследования. – Женщина поджала губы и покачала головой. Выглядело это очень убедительно, и, возможно, я бы ей поверила, если бы не сияющие глаза. – Я знаю, он даже в полицию ходил, пытался заявление на меня написать. Но там реальные люди сидят, они с Лешкой даже разговаривать не стали. Хотя участковый ко мне приходил. – Солодцева не сумела сдержать короткий смешок.

Пожалуй, пора немного сбить с нее спесь.

– Я знаю, что в полиции мнение вашего супруга не разделяют. Но тем не менее... – Я сделала многозначительную паузу, глядя ей в глаза. Надежда перестала ухмыляться и насто-рожилась. – Тем не менее мы склонны более внимательно отнестись к его подозрениям.

– Это ваше дело. Можете Лешкины подозрения хоть в газетах печатать, а только доказа-тельств у него нет! И ничего, кроме иска за клевету, он не получит!

Я приподняла брови и внимательно, очень внимательно осмотрела ее с ног до головы.

– Да-да, именно так, иск за клевету!

Было очень трудно удержаться и не поморщиться – неприятно, когда у женщины такой высокий голос. А Солодцева еще добавила громкости.

– У меня, между прочим, адвокат есть!

– И адвокат советует вам придерживаться именно такой линии поведения? – надменно осведомилась я. – Тогда рекомендую вам его поменять.

– Не ваше дело мне рекомендовать! И не ваше дело, что мне адвокат советует! – Она держалась по-прежнему уверенно, но трещинки в ее броне уже появились. – Вы вообще зачем сюда явились? Запугивать меня будете?

Я неторопливо откинулась на спинку кресла и снова слегка, одними губами, улыбнулась.

– Зачем мне вас запугивать? Тем более вы, по вашему собственному утверждению, ника-кого отношения к неприятностям господина Солодцева не имеете. Нет, запугивать вас я не собираюсь. Разве что предупредить, так, на всякий случай.

– Предупредить? – Она уже заметно нервничала.

– Дело в том, что с сегодняшнего дня жизнь и имущество Алексея Игоревича находятся под охраной детективного агентства «Шиповник». То есть с сегодняшнего дня любые попытки посягнуть на упомянутые жизнь и имущество будут пресекаться со всей возможной сурово-стью. И с самыми неприятными последствиями для посягнувшего.

– Я вас не понимаю. – Голос Надежды дрогнул, и она поторопилась откашляться. – Если Лешке денег девать некуда и он нанимает каких-то... в общем, охраняйте на здоровье, меня это ни с какого бока не касается. И ваши предупреждения мне не нужны.

– Дело ваше. – Я продолжала смотреть женщине в глаза. – Но усвойте главное: теперь если около Алексея Игоревича появятся неизвестные хулиганы, или неразборчивые в сред-ствах девицы, или еще какие криминальные элементы, то свидетелей их противоправных дей-ствий долго искать не придется. Заверяю вас, что в нашем агентстве работают достаточно про-фессиональные люди, которые сумеют оградить клиента от неприятностей.

Несколько секунд Солодцева молчала, потом громко и ненатурально рассмеялась.

– Ой, не могу! Это вы теперь, всем вашим агентством, Лешку охранять будете? Вот умора! Представляю, один охранник у дверей квартиры стоит, другой около машины дежу-рит, – она вскочила с дивана и начала кривляться, изображая упомянутых охранников, – а около Лешки сразу двое крутятся – телохранители! Надо будет обязательно подъехать полю-боваться...

Смотреть на этот балаган мне было совершенно неинтересно, и я довольно жестко пере-била ее:

– Кроме того, я хочу, чтобы вы поняли: ваше поведение неразумно. Неразумно и опасно.

– В каком смысле? – Она замерла в нелепой позе и уставилась на меня. – Вы опять мне угрожаете? Или это Лешка...

– Алексей Игоревич совершенно не желает вести с вами войну, – снова перебила я. – И ни о каких угрозах речь не идет. Если я говорю об опасности, то имею в виду не здоровье ваше, а исключительно материальное благополучие.

– Чего? – Солодцева вернулась на диван и снова сложила ладошки на коленях. – Чего вы там с моим материальным благополучием придумали? Имейте в виду, я законы знаю: пятьдесят процентов нажитого – мои! А работала я в это время или нет, это всем фиолетово! Между

прочим, если бы мои родители не подсустились вовремя, не свели Лешку с нужными людьми, он бы до сих пор в своем ларьке сидел – сам себе хозяин, сам себе продавец! Так что я от своей доли не откажусь, даже не рассчитывайте! У меня адвокат есть...

– Да что вы все с этим адвокатом! – Нехорошо, конечно, что я все время ее перебиваю, но что делать? От этих визгливых воплей у меня скоро голова разболится. – У него есть доступ к финансовым документам Алексея Игоревича? Или у вас? Может, фирма вашего мужа, по отчетам, одни убытки приносит? Пятьдесят процентов совместно нажитых долгов хотите выплачивать?

– Какие долги? – Она слегка побледнела. – У Лешки все хорошо... у него денег навалом...

– Вы действительно не знаете, как это делается?

– Но Лешка так не может! Он никогда... он что, хочет меня совсем ограбить?..

– Алексей Игоревич человек разумный и совершенно не собирается вас грабить. Наоборот, до всех этих прискорбных... м-м-м... – я ненадолго замаялась, делая вид, что подбираю подходящее слово, – до всех этих прискорбных происшествий с квартирой и машиной он был настроен на достижение взаимовыгодного компромисса.

– А теперь? – Надежда мгновенно ухватила главное. – Как он теперь насчет компромисса?

– В данный момент он несколько раздражен. И не склонен проявлять какую бы то ни было щедрость.

– Можно подумать, он ее раньше проявлял, – фыркнула она и тут же деловито уточнила: – То есть вы предлагаете поторговаться?

– Ничего подобного. – Я многозначительно улыбнулась. – Я всего лишь говорю, что если вы в дальнейшем будете вести себя разумно, то вполне можете рассчитывать на определенные бонусы.

– Так. – Она сцепила пальцы в замок и постучала ими по коленке. – Я понимаю. Но это вы от себя мне советуете? Или так сам Лешка сказал?

– Совет вам даю я. Но с ведома и по прямому поручению клиента. И знаете, Надежда, – я внезапно сменила холодный, деловой тон на дружески-доверительный, – мне кажется, вам имеет смысл поговорить с Алексеем Игоревичем. Если вы заверите его, что никаких неприятностей больше не будет, он это оценит.

– И отменит развод? – грустно усмехнулась она.

– Это вряд ли. Но насчет материального обеспечения...

– Я понимаю. – Теперь она перебила меня. – Лешка никогда жадным не был, это он сейчас от злости завелся. Но вы и меня поймите. В квартире кое-какие мои вещички оставались, вот я и зашла их забрать. Специально подгадала, чтобы его дома не было, не хотела встречаться. А там, на самом видном месте... в общем, приводил он туда девок, в эту квартиру. Я тогда здорово психанула. Сначала хотела полный разгром устроить, даже вазу одну разбила, но все-таки сдержалась. Осколки смела и в ведро выкинула, а потом собрала все ценное, что смогла найти. Жалко, не так много там было. Лешка к золоту равнодушен, а деньги у него на карточке, наличку он понемногу снимает, когда нужно. А как вы думаете? Я за семь лет ни разу ему не изменила, а он, кобель проклятый, что вытворяет?

Надежда, не вставая, дотянулась до лежащего на журнальном столике изящного портсигара, раскрыла его и протянула мне:

– Курите?

Я покачала головой:

– Нет, спасибо.

– Счастливая. – Она достала сигарету, зажала ее в зубах и вынула из кармана зажигалку. – А я вот сто раз уже бросала и все никак...

Зажигалка работала плохо, и прикурить удалось не сразу. Наконец Надежда нервно затаилась, выдохнула дым и продолжила:

– В последний раз семь месяцев продержалась, а потом Лешка сказал про развод, и я снова сорвалась. Ну не хочу я с ним разводиться, совсем не хочу! И не в деньгах дело, деньги тут ни при чем! У Лешки, конечно, миллион недостатков, но что ж теперь? Мужиков без недостатков не бывает. А Лешка веселый и не жадный – мы семь лет прожили, а сейчас кажется, как один день. Хотя что такое семь лет? Мои родители тридцать два года женаты, а бабушка с дедушкой вообще шестьдесят девять лет вместе. В будущем году юбилей отмечать будут. Только мы с Лешкой к этому времени уже разведемся.

На мгновение мне показалось, что сейчас она расплачется, но глаза Надежды оставались сухими. Она стряхнула пепел прямо на пол и пожаловалась:

– Потом я с ним поговорить хотела, но Лешка от меня прятаться начал – такая глупость! Я, конечно, опять психанула. А тут смотрю, его «лексус» стоит. И кирпич прямо под рукой, как нарочно... Разве можно было удержаться?

– По крайней мере, очень трудно, – согласилась я, не скрывая иронии. Впрочем, Надежда приняла мои слова за чистую монету.

– Да никак нельзя! Вот я и стукнула... слегка так, почти без замаха. Я что, виновата, что лобовое стекло такое слабое оказалось?

Она сделала паузу и посмотрела на меня, ожидая сочувствия. Увы. Я даже не стала делать вид, что прониклась ее переживаниями. Надежда потупилась и сказала почти с раскаянием:

– Зря я это сделала. Лешка над своим «лексусом» так трясется – если бы он меня там поймал, убил бы на месте! Да и сейчас... может, я бы и хотела, как вы говорите, насчет компромисса пообщаться, но он так злится, что я боюсь к нему близко подходить.

– Если хотите, я могу присутствовать при встрече.

– Думаете, он вас постесняется? – Надежда бросила на меня оценивающий взгляд. – Хотя, если захочет произвести впечатление – может быть. Ему такие девушки, как вы, нравятся.

– Вот уж к чему я совершенно не стремлюсь, так это понравиться вашему мужу! – вырвалось у меня. Вообще-то, такая прямолинейная искренность в нашей работе не поощряется, но я просто не смогла удержаться.

– Ну, тогда вы редкое исключение. – К ней мгновенно вернулась высокомерная язвительность. – Обычно девицы на него пачками вешаются.

Мне стало скучно. Когда я общаюсь с подобного рода женщинами, это случается. Ну что мне теперь, устроить с ней состязание в высокомерии, наглядно объяснить, какое место она, по моему мнению, занимает в нашей вселенной? А зачем? Только для удовлетворения собственного самолюбия? Победить в словесной перепалке Надежду Солодцеву – не та цель, к достижению которой стоит стремиться. Хотя некоторая надменность должна присутствовать, иначе Надежда просто не отнесется к моим словам серьезно.

– Вы упускаете из виду одну мелкую деталь. – Смотреть на нее сверху вниз, хотя мы обе сидели, не составляло никакого труда. – Я не девица, как вы выражаетесь, а сотрудник детективного агентства. На мужчин вешаться не приучена, и Алексей Игоревич для меня только клиент, поручение которого я хочу выполнить.

– Это не имеет значения. Если Лешка на вас глаз положил... Осталось только решить, что для меня лучше? Если он на вас отвлечется, то добрее станет или, наоборот, упрется? Он ведь таким упрямым иногда бывает, тремя ослиами не сдвинешь! А тут еще этот «лексус»... Я, конечно, Лешке в жизни не признаюсь, что это я стекло разбила, но он ведь не дурак, сам догадывается.

– Вы можете пригласить на встречу своего адвоката. Думаю, он не откажется.

– Адвокат... – Надежда закусила губу и сморщила носик, сразу став похожей на маленькую злую болонку. – Адвокат, конечно, не откажется, у него оплата почасовая. А знаете, он мне, в общем, то же самое говорит: что Лешку злить глупо, что все вопросы лучше миром

решить, а не войнушку устраивать... «Гибче надо быть, дорогая моя, гибче», – пропела она высоким, дребезжащим голоском, очевидно передразнивая адвоката.

– Вполне разумная позиция, – согласилась я. – На вашем месте я бы прислушалась.

– Вы никогда не окажетесь на моем месте! – неожиданно вспыхнула Солодцева.

Хм, а в чем-то она права. Действительно, на месте этой женщины я никогда не окажусь. И даже не представляю себе ситуацию, в которой я буду брошенной женой состоятельного бизнесмена. Хотя странно – почему нет? Бизнесменам ведь тоже надо на ком-то жениться, а я – вариант не хуже многих. Но не представляю. А если меня бросит Кириллов? Да, я помню, он мне вовсе не муж и никакого движения в эту сторону не предвидится – Витьке великолепно удастся делать вид, что я ему совершенно не интересна, даже я иногда верю. Впрочем, у меня равнодушное безразличие к его персоне получается не хуже. Но все-таки? Если Витька на мне женится, а потом бросит – пойду я ему стекла бить? Однозначно – пойду. И не только все стекла в машине перебью, но и... Хотя какой смысл думать о несбыточном. Прежде чем меня бросать, Кириллову надо хоть разок на меня с нежностью посмотреть. Но если такое случится, то он, как утверждает Ниночка, мгновенно исчезнет с горизонта.

– Подумаешь, какая принципиальная! Вешаться на мужиков она не приучена! И вообще, уж если вам Лешка не по душе, то я не знаю, какого принца вам нужно! – продолжала возмущаться Надежда.

Какого принца мне надо? Не надо мне никакого принца! Да мне вообще никого не надо, с мужиками одна нервотрепка!

– Мне вообще никого не надо! – холодно повторила я вслух. – И давайте вернемся к вашим проблемам.

– Да я что, – сразу сникла она. – Я ведь уже согласилась. Меня и родители ругают. Я уже к ним и не показываюсь, а то они сразу нотации мне читать начинают, говорят, что я совесть совсем потеряла. Лешка ведь, гад такой, что удумал: сказал им, что мы разводимся, но помогать продолжает. Дескать, за эти семь лет они ему как родные мама с папой стали, и он их бросить не может. Нет, красиво, а? Жену, значит, бросить – это без проблем, а тещу с тестем – нельзя! Ну не скотина ли он после этого?

Я не знала, что ей ответить. Солодцев не показался мне добряком-бессребреником, и объяснить его решение было трудно. Не пытался же он таким образом насолить жене? Но и Надежда тоже человек по меньшей мере странный. Осуждать бывшего мужа за намерение помогать ее же родителям?

Впрочем, мой ответ и не требовался, Надежда прекрасно справлялась сама. Она разразилась пространной речью, полной жалоб и упреков, подробно и с массой примеров расписав, каким чудовищем является наш клиент, и объяснив, каким именно образом он загубил ее молодые годы. У меня было сильное желание напомнить женщине ее же собственные слова про голубков и про семь лет без единой ссоры, но я понимала, что ничего, кроме новой волны жалоб и упреков, это не вызовет.

– То есть вы отказываетесь от того, чтобы пойти на соглашение с Алексеем Игоревичем? – спросила я, когда она начала выдыхаться.

– С чего вы взяли? – опешила Надежда. – Я что, идиотка, своей выгоды не понимаю? Если Лешка решил в благородство поиграть, надо быстро соглашаться, пока он не передумал. Кстати, вы насчет «бонусов за хорошее поведение» намекали. В чем это конкретно выражается? Может, он машинку мне поменяет? А то оставил такое старье, просто ездить стыдно...

– Все это вы обсудите не со мной, а с Алексеем Игоревичем, – перебила ее я и поднялась с дивана. – Я передам ему, что вы готовы к сотрудничеству.

– К взаимовыгодному сотрудничеству, – с нажимом уточнила она.

– Разумеется. Вы хотите, чтобы мы организовали встречу? Пригласили вашего адвоката?

– Это еще зачем? Что, я сама не знаю, как Лешку найти? Нет, спасибо, конечно, но если вы будете что-то там организовывать, то все так формально получится, официально... не люблю. И адвокат, раз такое дело, нам не нужен. Я сама к Лешке заеду, поворкуем без посторонних. Мы же не чужие все-таки, семь лет как голубки...

Прежде чем ехать в офис, я посидела в машине минут пять, откинувшись на спинку сиденья и прикрыв глаза. Утомила меня эта дамочка. А впереди еще переговоры с двумя любовницами Солодцева. Господи, во что мы ввязались? Зачем? Как только вернусь в офис, скажу шефу, что отказываюсь иметь дело и с самим Алексеем Игоревичем, и с его женщинами! Пусть Гошка с ними разбирается! Я еще немного помечтала, как четко и аргументированно изложу свое мнение, представила, какие лица будут у Александра Сергеевича и у Ниночки, как удивится моему неожиданному бунту Гошка, хихикнула и аккуратно тронулась с места.

По дороге мое еле живое сцепление ни разу о себе не напомнило, скорости переключались без проблем, и, естественно, я проехала поворот на СТО, даже не вспомнив, что собиралась поставить машину на ремонт.

Агентство «Шиповник» располагается на небольшой тихой улочке, машины по ней почти не ездят, да и пешеходы встречаются редко. На каждого из них я научилась смотреть оценивающе-придирчивым взглядом: а не к нам ли в агентство ты, мил-человек, направляешься? И чаще всего угадываю. Есть в наших клиентах какая-то внутренняя напряженность, старательно сдерживаемая нервность, скованность в движениях. Вот и сейчас: мужчина лет сорока, худощавый и сутулый, неторопливо шел по правой стороне улицы. Одет хорошо и, в общем, выглядит интеллигентно, шагает неторопливо – можно подумать, что человек просто вышел прогуляться. Но слишком прямая спина и резкие движения рук выдают то самое нервное напряжение, о котором я говорила. И по сторонам он оглядывается слишком часто, через каждые несколько шагов.

Я подъехала к стоянке и сбросила скорость. Мужчина остановился. Достал пачку сигарет, закурил, снова огляделся. Увидел на столбе ободранное, выцветшее объявление и начал старательно его изучать.

Знаю я это объявление, оно появилось полгода назад – все желающие приглашались на краткие курсы исполнителей арабских и восточных танцев. За три месяца опытные педагоги, лауреаты международных конкурсов, обещали научить неподготовленных новичков всем премудростям бэллиданса, ориентала и танца живота. Мы с Ниночкой даже слазили в Интернет посмотреть, что это за бэллиданс с ориенталом такие – по поводу танца живота вопросов, естественно, не было. Гибкие танцовщицы произвели на нас такое впечатление, что там же, в Интернете, мы нашли видеоуроки для начинающих и принялись, потихоньку от наших мужчин, разучивать движения. Бросили мы примерно через неделю: несмотря на спортивную подготовку, неплохую координацию, наличие музыкального слуха и чувства ритма, восточная экзотика нам не давалась. Танцевали мы обе, как бы это помягче выразиться, с изяществом свежеструганного Буратино. Хорошо еще, старшие партнеры нас за этими танцами не застали. Сан Сергеич человек деликатный, он бы ничего не сказал, а вот Гошка – тот издевался бы над нами долго и изобретательно, это точно.

Я припарковалась, вышла из машины, поднялась на крыльцо и оглянулась. Мужчина по-прежнему не сводил глаз с обтрепанного листочка. Можно подумать, он всю свою сознательную жизнь мечтал заняться бэллидансом или ориенталом (я уж не говорю о танце живота), только не знал, куда обратиться, искал именно такое объявление... Но я понимала, что этот человек, скорее всего, даже не видел текста, на который уставился.

Разумеется, я могла подойти к нему, заговорить, намекнуть, что если нужна помощь, то агентство «Шиповник» совсем рядом. Но потенциальный клиент явно еще не созрел, сейчас

даже смотреть в его сторону нежелательно – запаникует и сбежит. Ладно, мы никуда не торопимся. Пусть еще постоит, подумает.

А интересно, это тот самый нерешительный клиент, на которого утром жаловалась Ниночка, до нас добрался или другой, такой же робкий?

Как только я вошла в приемную, из кабинета показался Баринов:

– Докладывай.

Я коротко пересказала разговор с Надеждой и в заключение сообщила:

– Адвокат тоже советует Солодцевой вести себя помирнее, да она и сама понимает, в чем ее выгода. Так что обещала больше не безобразничать и в самое ближайшее время приступить к мирным переговорам.

– Вопрос с ней можно считать решенным? – уточнил шеф.

– Думаю, да. Она теперь настроена за хорошее поведение побольше выторговать у супруга.

– Хорошо. Большого от тебя никто и не требовал. С пассиями Солодцева завтра утром съездишь разберешься. Не думаю, что у тебя это много времени займет.

– Почему завтра? До конца рабочего дня время еще есть, а эта «Жикле» недалеко. По крайней мере, с одной из барышень я точно успею поговорить.

– Ничего, дело не срочное. Сегодня ты здесь нужна, к нам сейчас клиент подойти должен.

Баринов вернулся в кабинет, а я подошла к окну. Мужчина все еще был там, у столба, но уже не смотрел на объявление, а топтался, словно исполнял какой-то нелепый танец.

– Что за клиент? – спросила я у Нины.

– Тот самый, нерешительный. Звонил минут сорок назад.

– Ясно. Набрался, значит, храбрости. – Я продолжала смотреть в окно. Мужчина обошел вокруг столба, бросил сигарету, растер ее по асфальту подошвой ботинка и, похлопав себя по карманам, снова достал пачку. – Или еще только набирается. А где Гоша?

– Отчет пишет, – усмехнулась Нина. – Так что я тебе не советую в вашу комнату соваться. Посиди лучше здесь.

– Разумно. – Я присела на подоконник.

Мужчина внимательно осмотрел пачку и переложил ее в другую руку. Потом поежился и неторопливо двинулся в сторону крыльца. Шаги его становились все короче, все медленнее. У самого крыльца мужчина остановился.

– На что ты там загляделась? – Нина встала из-за стола и тоже подошла к окну.

– Думаю, на нашего нерешительного клиента. – Я невежливо (он, конечно, меня не видел, но все равно это было невежливо) показала пальцем. – Интересно, сколько времени он будет с духом собираться? Полчаса? Час?

Нина неодобрительно покачала головой.

– Такой, если ему никто направляющего пинка не даст, и до вечера может перед нашей дверью топтаться.

В этот момент с перекрестка на нашу тихую улочку вывернула машина. Увидев ее, мужчина дернулся, оглянулся, и тут же все его движения стали необыкновенно быстрыми. Он мгновенно преодолел оставшиеся пару метров, взбежал на крыльцо, распахнул дверь и исчез из вида – словно кролик в нору юркнул.

– Как ты думаешь, он сразу к нам или еще на лестнице потанцует? – спросила я.

– Судя по начальному ускорению, должен добежать без... – Нина не договорила, потому что дверь приоткрылась и в узкую щель проскользнул тот самый мужчина.

– Добрый день, – тихо поздоровался он.

– Добрый день, – слаженным дуэтом ответили мы.

– Это агентство? Агентство «Шиповник»?

Нина сделала шаг вперед и любезно улыбнулась.

– Это «Шиповник», – подтвердила она. – А вы – господин Панов?

– Да. Но откуда вы... – Мужчина достал из кармана пачку сигарет, растерянно посмотрел на нее, потом, словно спохватившись, кивнул. – Понятно, я же звонил.

– Звонили. И мы вас ждем. Проходите, пожалуйста. – Нина указала на кабинет шефа и слегка подтолкнула меня. – Гошку позови.

Мелкими, неуверенными шагами Панов двинулся к кабинету Барина, а я заглянула в нашу комнату. Очень не хотелось отрывать напарника от отчета: чем больше он напишет, тем меньше мне останется.

Теперь представьте мое возмущение, когда я увидела, чем Гошка занимается! Вместо того чтобы трудиться над отчетом, этот наглый тип открыл на компьютере игрушку-аквариум и преспокойно кормил рыбок!

– Гошка! Ты что делаешь?!

– А? – Он рассеянно оглянулся. – Ты уже пришла? Представляешь, какая неприятность: я вчера вечером уже соображал плохо, спать хотел. Прикупил десяток морских коньков и ошибся, запустил их в аквариум к пираньям. А коньки дорогие, по двести монет каждый стоит.

– Всех сожрали? – Мое искреннее возмущение сменилось сочувствием. Предъявлять претензии по поводу недописанного отчета человеку, который скормил дорогих морских коньков пираньям, как-то неловко. Тем более что игрой в аквариум заразила напарника именно я. А меня Маринка, а Маринку Борис... но если мы с Маринкой переболели довольно быстро, то мужчин зацепило крепко.

Сестренка жаловалась мне, что ее молодой супруг может среди ночи вскочить с кровати, чтобы покормить гуппи. А на резонное замечание, что не подохнут эти гуппешки, посидят (точнее, поплавают) до утра на диете, Борис отвечает, что ему жалко рыбок, а кроме того, он рассчитывает утром этих гуппи продать и получить бонусный бриллиант...

– Один остался, – меланхолично отозвался напарник. – Вот я теперь и думаю, купить коньков снова или уже черт с ними? Может, лучше полсотни скатов собрать?

– За скатов бонусом бриллиант?

– Три. – Гошка вывел на экран список заданий. За выращивание пятидесяти электрических скатов действительно полагалось три бриллианта.

– Если бы они настоящие были!

Наверное, именно поэтому мы с Маринкой так быстро забросили эту игрушку. Нас раздражает и оскорбляет то, что, честно выполняя задания, мы зарабатываем исключительно виртуальные бриллианты, которые ни на пальчик надеть, ни подругам показать... и какой смысл этим заниматься? Мужчины не настолько практичны, их мало волнует результат, их интересует процесс. И поэтому Гошка, вместо того чтобы заниматься делом, печалится над безвременно съеденными морскими коньками.

– Ладно, закрывай свою рыбоферму и пошли быстрее к шефу: у него новый клиент сидит.

– Что за клиент?

– Недозрелый. Тебе не понравится.

– Если клиент не дозрел, то какой смысл торопиться? – проворчал напарник, закрывая игрушку. – Смотреть, как его плющит и колбасит, – удовольствие небольшое.

Тем не менее он двинулся вслед за мной к кабинету Барина. Клиент уже устроился в кресле, но, когда мы с Гошей вошли, вскочил и слегка поклонился.

– Панов Валерий Геннадьевич. Бизнесмен.

Александр Сергеевич тоже встал и представил нас, после чего неопределенно махнул рукой:

– Прошу садиться. Итак, Валерий Геннадьевич, в чем заключаются ваши проблемы?

– Э-э-э, видите ли... это не совсем проблемы... и не совсем у меня... дело довольно тонкое...

Гоша совершенно прав: смотреть, как взрослый человек ежится в кресле, мучительно подбирая слова, – удовольствие небольшое. А точнее, совсем никакого удовольствия. Так и хочется подойти к нему, потрепать ласково по плечу и посоветовать: «Иди-ка ты отсюда, мил-человек, подумай еще, может, мы тебе и не нужны вовсе? И только когда придешь к выводу, что без нашей помощи тебе не обойтись, тогда и возвращайся – поговорим».

Панов внезапно замолчал и поднял руку с пачкой сигарет, все еще зажатой в кулаке.

– У вас тут можно курить?

– Пожалуйста, – разрешил шеф и бросил на меня короткий взгляд.

Я, не вставая со стула, протянула руку и сняла со стеллажа небольшую металлическую пепельницу. Мы ее купили специально для клиентов – у нас, в «Шиповнике», никто из сотрудников не курит.

– Спасибо, – пробормотал Панов, когда я поставила пепельницу перед ним. – Вообще-то я не склонен злоупотреблять, но тут такая ситуация... нервы...

– Мы понимаем.

Терпение у шефа поистине ангельское. Гошка, в отличие от него, смотрел на клиента довольно кисло.

– Дело довольно деликатное, и действовать нужно тонко... – Панов сделал короткую паузу и закурил. – Полная конфиденциальность, понимаете, и осторожность... Я долго думал, прежде чем обратиться к вам...

– И конфиденциальность, и осторожность, и тонкость – все это мы вам гарантируем, – заверил его Александр Сергеевич.

– Да-да, разумеется, я в курсе. – Панов нервно затянулся. – Я ведь наводил справки, очень осторожно, конечно, но отзывы самые благоприятные. Но мой вопрос, он немного особый... вы когда-нибудь занимались делами, связанными с промышленным шпионажем?

Баринов даже глазом не моргнул.

– Случалось.

Интересно, когда это мы занимались промышленным шпионажем? Может, раньше, еще до того, как я пришла в «Шиповник»? Хотя историю с перехватами заказов строительной фирмы с некоторой натяжкой, но можно отнести к этой категории. С разработкой дизайна новых игрушек тоже. И еще была парочка мутных дел... Александр Сергеевич совершенно прав: случалось нам и промышленным шпионажем заниматься.

– А кому именно вы помогали? В чем?

Шеф позволил себе удивленно приподнять брови.

– Вы всерьез рассчитываете, что я вам отвечу?

– Ох, разумеется, нет! Извините, это я не подумав спросил – нервы, понимаете? И дело, конечно, не в шпионаже. Да и какой шпионаж – так, детские игры! В нашей губернии и промышленности серьезной давно нет, за кем шпионить? Это раньше у нас и самолеты делали, и станки, и точное приборостроение развивалось... А теперь все производство развалено, заводы свои площади под торговые центры сдают да под элитные клубы обустривают. Если кто и пытается шевелиться, то занимаются мелочовкой – в плане экономического развития региона говорить не о чем.

Александр Сергеевич деликатно кашлянул, и Панов смутился.

– Извините, я отвлекся. Я просто хотел сказать, что проблема совершенно в другом. А собственно, может, и нет никакой проблемы, просто несогласованность и глупые страхи. Но я все-таки немного волнуюсь, понимаете...

Конечно, понимаем. Все люди, которые приходят к нам, волнуются, у всех проблемы – сложные, неразрешимые и непременно требующие особо деликатного подхода. Некоторые клиенты являются просто в истерике, и их, прежде чем начинать деловой разговор, приходится отпаивать моим фирменным успокаивающим коктейлем – сорок капель валерьянки на стакан

холодной минеральной воды. Но мало кто из них раздражал меня так, как господин Панов. Сидит в «клиентском» кресле, мусолит сигарету, а к делу приступать словно и не собирается!

А Валерий Геннадьевич внезапно смял наполовину выкуренную сигарету, бросил ее в пепельницу и спросил:

– Вам ведь пропавших людей тоже приходилось искать?

– И довольно часто, – сообщил шеф. – Это одно из основных направлений нашей работы. – Он подождал немного и, поскольку Панов снова замолчал, уточнил: – Так чем нам придется заниматься: вопросами промышленного шпионажа или поисками пропавших?

– Э-э-э... – Валерий Геннадьевич завозился, доставая из мятой пачки новую сигарету и прикуривая ее. – Э-э-э...

Мы терпеливо ждали.

– Понимаете, – наконец промямлил Панов, – это все немного взаимосвязано. Но прежде всего, наверное, нужно найти человека... одну женщину. Даже не обязательно найти, просто удостовериться, что у нее все в порядке. Эта женщина не то чтобы пропала, но я не уверен... И если бы вы смогли аккуратно, чтобы никто не обратил на это внимания, выяснить...

– Валерий Геннадьевич, – мягко прервал его шеф. – Пока вы не сообщите нам, о какой женщине идет речь, не расскажете, когда и при каких обстоятельствах она пропала, и не поделитесь прочей необходимой информацией, нам нет смысла начинать работу.

– Да, конечно, я понимаю! Просто все это так неприятно, и я до конца не уверен... ей это может не понравиться, но у меня ведь тоже нервы не железные... в конце концов, я волнуюсь! У меня просто нет выхода, вы согласны?

Я незаметно покосилась на Гошку. Он развалился на стуле, лицо спокойное и даже равнодушное – роль туповатого опера в ожидании команды напарник исполняет мастерски. Или действительно расслабился и ждет, когда клиент закончит увертюру и перейдет к деловому разговору? Нет, Гошка слушает Панова, и очень внимательно. И не менее внимательно наблюдает за руками Валерия Геннадьевича: как они терзают сигаретную пачку, как сминают в пепельнице очередную сигарету, как подрагивают и нервно барабают по столу короткие пальцы с круглыми, коротко стриженными ногтями. И при последних словах Панова выражение лица у Гошки не меняется, только губы на мгновение изгибаются в еле заметной усмешке.

В отличие от него, Александр Сергеевич позволил себе полноценную улыбку, дружелюбную и сочувственную.

– Совершенно с вами согласен, – мягко прогудел он. – Итак, начнем с самого простого: как ее зовут?

Панов сделал глубокую затяжку, потом осторожно положил сигарету на край пепельницы и с таким видом, словно открывает нам главную государственную тайну, выдохнул:

– Альбина. Ее зовут Альбина Сторожева.

– Уже хорошо, – поощрительно заметил Баринов. – Продолжайте.

– Э-э-э... – Панов снова схватился за сигарету, вцепился в нее зубами. – Это моя э-э-э... знакомая. Довольно близкая... в общем, знакомая, понимаете?

– Что ж тут не понять, – подал голос Гошка. Панов слегка подпрыгнул от неожиданности и уставился на него, как кролик на удава. А Гошка продолжил: – Госпожа Сторожева ваша хорошая знакомая. В данный момент ее местоположение вам неизвестно и вы хотите его установить, так?

– Так, – загипнотизированно кивнул Панов. – То есть не совсем так. Мне бы только знать, что с ней все в порядке... разные ведь бывают случаи...

– У вас есть основания полагать, что с ней что-то произошло? – спросил Баринов, и Панов с заметным облегчением повернулся к нему:

– Ну, как сказать, основания... просто я волнуюсь. Я не видел ее три дня, и телефон тоже не отвечает. Понимаете, мы с Альбиной знакомы довольно близко, уже более трех лет... и до сих пор такого не случалось.

– Немного подробнее об Альбине, пожалуйста. Сколько ей лет, где живет, где работает?

Панов взял сигарету, сделал две короткие затяжки и снова положил на край пепельницы.

– Да какие тут подробности. Альбина – обычная женщина. Молодая, двадцать четыре года всего. Замужем, кажется, не была, по крайней мере, я ничего такого не знаю. Живет одна в приватизированной однокомнатной квартире, в Ленинском районе. От центра далековато, зато место тихое, зелень там... ей нравится.

– Теперь про работу, пожалуйста.

– Про работу? В том-то и дело, понимаете... Месяц назад она устроилась в некую фирму... вы не подумайте, ничего такого, она это по собственной инициативе сделала! Но когда Альбина рассказала, я, конечно, подумал, что грех было бы не воспользоваться... такая возможность...

– Ага, вот у нас и промышленный шпионаж нарисовался, – удовлетворенно пробасил Гошка.

– Да почему же сразу шпионаж, – нервно дернулся Панов и схватился за сигарету. – Я ничего особенного не имел в виду – так, кое-какая информация, по мелочам... что она такого могла узнать? Ее же не финансовым директором туда взяли, а мелким клерком, при оргтехнике...

– Оргтехника, – негромким эхом повторил Гошка. – Принтер, ксерокс, архивы... Через руки мелких клерков все коммерческие тайны проходят.

– Господи, ну какие там тайны! И даже если Альбина что и подсмотрела краем глаза, за это же не убивают, правда?

– А вы считаете, что ее убили?

– Что? – Панов снова нервно дернулся и уронил сигарету на колени. – Кого убили? С чего вы взяли? – Он старательно стряхнул пепел с брюк и только тогда поднял голову. – Я ничего такого не говорил!

– Тем не менее, поскольку вы здесь и утверждаете...

– Нет, нет! – Панов замахал руками, как маленькая, хорошо отлаженная ветряная мельница. – Она жива, разумеется, она жива! Я даже подумать не могу, что это может быть не так! В конце концов, сейчас не те времена, не лихие девяностые! И фирма эта не бандитское гнездо какое-нибудь, а очень солидное предприятие...

– Что за фирма? – перебил его шеф.

– Фирма? Э-э-э... – Он бросил короткий взгляд на Барина, на Гошу, потом посмотрел на меня и опустил глаза. – В общем, это не секрет. Фирма называется «Хит сезона», специализируется на выпуске дисков. Фильмы, аудиозаписи, игры компьютерные – коммерчески очень выгодное направление.

– А раньше она где работала?

– До «Хита»? Как вам сказать... понимаете, ничего особенного. Она, конечно, хотела устроиться, но получалось все больше так, на подхвате... иногда переводы с французского, иногда репетиторство...

– Скажите, Валерий Геннадьевич, ваш бизнес тоже с записью дисков связан? – спросила я, и напарник посмотрел на меня одобрительно.

– В некотором роде, – немного смутился Панов. – Собственно диски мы не выпускаем, но предприятия родственные. Нет, я уверен, что все это ерунда и работа Альбины никак не связана... я просто не понимаю, почему она исчезла.

– А как она исчезла? Просто не пришла ночевать?

– Н-нет, – слегка запнулся Валерий Геннадьевич. – В смысле, я не знаю, может, и не пришла. Понимаете, мы, конечно, в некотором роде вместе... но не совсем. То есть мы не живем вместе, а только так... когда есть время и настроение... ну, вы понимаете. Но мы встречаемся каждый день на... то есть, я имею в виду, после работы, по вечерам. Или созваниваемся. А тут, уже пятый день... конечно, с этой новой работой у Альбины стало меньше времени, она очень уставала, и мы стали реже встречаться. Но в прошлую среду мы поговорили по телефону, и в четверг она мне позвонила... веселая такая была, оживленная, строила планы... мы собирались на выходные съездить в дом отдыха, «Речные просторы» называется, не приходилось бывать? Очень комфортное место и недалеко, практически в пригороде, добираться удобно. Контингент очень солидный: не гламурная тусовка собирается, а серьезные люди приезжают отдохнуть в спокойной обстановке. Мы договорились, что я закажу номер, но в пятницу Альбина не позвонила. И выходные прошли, и понедельник, и сегодня уже вторник... Я, конечно, попробовал сам с ней связаться, но телефон был выключен... это так странно!

– Ничего странного, – с видом знатока возразил Гоша. – Женщины, что вы хотите? Загадочные существа. Морщинку новую нашла, критические дни, пятна на солнце или звезды не так встали – вот у нее уже плохое настроение, никого не хочет видеть и выключает телефон!

– Нет, молодой человек, вы не понимаете, – обиделся Панов. – Вы совершенно не понимаете наших взаимоотношений с Альбиной. Пятна на солнце или, как вы выражаетесь, критические дни здесь совершенно ни при чем! Альбина очень ответственная женщина, и, если уж мы договорились созваниваться ежедневно, она эту договоренность будет выполнять!

– Может, просто подзарядить забыла? Бывает такое. – Еще не договорив, я поняла, что сморозила глупость.

Панов гневно сверкнул глазами.

– Пятый день забывает? Нет, вы не понимаете! Альбина никогда не допускала никаких перебоев со связью! Ее телефон всегда заряжен и всегда включен!

– Она любит поболтать?

– Я бы не сказал. Альбина – женщина экономная и на пустые разговоры деньги тратить не будет. Но она очень организованная и любит порядок. Телефон – это средство связи, значит, связь должна быть всегда. И то, что я не могу дозвониться, это... это неправильно. И меня это беспокоит.

– Может, она дома? Заболела, например? Вы не пробовали домой к ней заглянуть?

– А как вы думаете? Конечно, пробовал! И в субботу заходил, и в воскресенье, и вчера... никаких следов! Я вчера и на работе у нее был, хотел узнать хоть что-нибудь, но меня не пустили. Там такой мордovorот в охране, не человек, а корабельная сосна! Ростом до потолка, мозгов не больше, чем у деревяшки. Уперся, как шлагбаум, пропускная система у них, хоть умри! Но он сам позвонил Альбине в отдел, и там сказали, что она на работе не появлялась. А в пятницу была, но только до обеда. Что это может означать, по-вашему?

По-моему, это могло означать все что угодно, и Александр Сергеевич с Гошкой явно разделяли мое мнение. Панов, судя по тому, как он нервно смял в кулаке очередную сигарету, тоже это почувствовал.

– Но ведь вы найдете Альбину, правда? Вы сумеете ее найти?

– Постараемся. Хотя пока я никакого криминала в ситуации не вижу. Мало ли по какой причине женщина не пошла на работу? Да и с телефоном тоже... Сторожева – взрослый человек, и, как я понял, никаких обязательств перед вами у нее нет. Она имеет полное право не отчитываться, где она находится и чем занимается.

– Вот-вот, мне и в полиции так сказали, – горько откликнулся Панов. – Про то, что Альбина совершеннолетняя и может находиться где хочет, не ставя меня в известность. И что они по поиску пропавших принимают заявления только от близких родственников. А если у Альбины в городе и родственников нет, что теперь, и не искать ее совсем?

– А их нет? Родственников?

– Откуда мне знать? Я ничего такого от нее не слышал. Сама она откуда-то из района, и родители у нее там... приехала после школы, поступила в университет. Потом хотела отправиться Москву покорять, но родители отсоветовали, да и самой страшновато стало. Родители ей квартиру купили, у нас хоть и не столица, но устроиться можно неплохо и карьеру сделать...

Очень интересные рассуждения. Это что же получается: с университетским дипломом место мелкого клерка при оргтехнике в фирме по выпуску дисков – это неплохая карьера? Хотя люди по-разному смотрят на возможности, которые дает высшее образование. Одна моя знакомая после политехнического института устроилась в салон продажи сотовых телефонов и была очень довольна.

– А кто Сторожева по специальности? – Очевидно, мысли шефа были схожи с моими. – Какой факультет она закончила?

– Я точно не помню, – снова замялся Панов. – Может, филологический? Во всяком случае, что-то гуманитарное. С математикой, да и вообще со всякой техникой у нее отношения сложные. Но какое это сейчас имеет значение? Вы только найдите Альбину, я на все готов! Деньги значения не имеют! – Он запнулся и уточнил: – То есть в разумных пределах, конечно.

– И каковы эти разумные пределы? – бестактно заинтересовался Гошка.

– Ну-у. – Клиент немного смутился. – Я, конечно, человек обеспеченный, но до Абрамовича мне далеко. К затратам я готов, но они не должны выходить за пределы здравого смысла.

– Дело не в деньгах. – Шеф бросил на Гошку короткий, но очень строгий взгляд. – Я не сомневаюсь, что вы найдете наши расценки вполне разумными. Но нам потребуется информация, много информации: все, что вы знаете об Альбине Сторожевой. Даже то, что вам не очень хочется рассказывать.

– Но почему... я и так... – растерянно забормотал Панов. – Я ведь уже все рассказал, разве нет? То есть я, конечно, готов, я же понимаю...

– Вот и хорошо. Теперь скажите: вероятность несчастного случая вы уже исключили?

– Что?

– Морги, больницы обзвонили, проверили? Все ведь под Богом ходим, мало ли? Может, Сторожева в ДТП попала?

– Нет, я ничего такого... – Панов побледнел и громко сглотнул. – Я не успел... в смысле, я подумал... понимаете, мне кажется, будет лучше, если это сделаете вы.

Мы с Гошкой переглянулись. Станный все-таки человек этот Панов. Казалось бы, если исчезла любимая женщина и ты волнуешься, то самое первое, что нужно сделать, – это обзвонить больницы! Пусть не морги, ладно, звонок в морг – это для людей с более крепкой нервной системой, чем у Валерия Геннадьевича, но больницы-то!

– Хорошо. – Шефу тоже не удалось скрыть нотку удивления в голосе, но комментировать причуды клиента вслух он не стал. – Фотографию Сторожевой вы, я надеюсь, принесли? Номер ее телефона, адрес, личные данные?

– Да-да, конечно, я все приготовил, сейчас. – Панов суетливо зашарил по карманам. – Вот, пожалуйста, это фотография, маленькая, правда, на паспорт, но другой я не нашел. А здесь вот номер ее телефона, адрес, адрес и телефон этой фирмы, «Хит сезона»... и вот тут я на всякий случай адрес ее электронной почты написал... вроде бы все, как вы думаете?

– Нужен список ее друзей и знакомых, с адресами и телефонами. Нам придется со всеми ними поговорить.

– Но это не совсем... то есть я никого не знаю. Мы не афишировали наши отношения, встречались в основном дома – у меня или у нее. Альбина упоминала изредка каких-то подруг, но ни с одной из них я не знаком.

– Жаль. – Шеф забрал исписанный неровными строчками лист бумаги и маленькую фотографию пропавшей женщины. – Ладно, пока хватит этого. Еще нам надо осмотреть квартиру Сторожевой. Вы говорили, что заходили туда, значит, ключи у вас есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.